
Содержание

Незаметные	8
КРОВАВАЯ ГРАФИНЯ	17
Эржебет Батори	19
БАБУЛЯ-ХОХОТУЛЯ	45
Нэнни Досс	47
ХУДШАЯ ЖЕНЩИНА НА ЗЕМЛЕ	73
Лиззи Холлидей	75
ДЬЯВОЛ В АНГЕЛЬСКОМ ОБЛИЧЬЕ	103
Элизабет Риджуэй	105
ГАДЮКИ	125
Райя и Сакина	127
ЧЕРНАЯ ВДОВА	153
Мэри Энн Коттон	155
САЛТЫЧИХА	177
Дарья Николаевна Салтыкова	179
ЛЕДЫШКА АННА	203
Анна Мари Хан	205
СОЛОВЕЙ	237
Оум эль-Хассен	239
ВЕРХОВНАЯ ЖРИЦА БАНДЫ СИНЕЙ БОРОДЫ	261
Тилли Климек	263

КОЛДУНЬЯ КИЛКЕННИ	283
Алиса Кителер	285
КРОВОЖАДНАЯ КРАСОТКА	307
Кейт Бендер	309
ОТРАВИТЕЛЬНИЦЫ ИЗ НАДЬРЕВА	335
КОРОЛЕВА ЯДОВ	359
Мари-Мадлен, маркиза де Бренвилье	361
Заключение	389
Благодарности.	397
Об авторе	400
О книге	402
Неполный сборник интересных фактов	408
Плейлист	411

Эта ненависть к человеческому, больше — к животному, еще больше — к вещественному, это отвращение к чувствам, к самому разуму, страх перед счастьем и красотой, это стремление избавиться от всякой кажимости, перемены, становления, смерти, желания, самого стремления — все сказанное означает, рискнем понять это, *волю к Ничто*, отвращение к жизни, бунт против радикальнейших предпосылок жизни, но это есть и остается волей!

Фридрих Ницше.
Генеалогия морали¹

Ни слабою, ни жалкою, наверно,
В устах людей я не останусь.

Еврипид.
Медея²

---

¹ Перевод с нем. К. А. Свасьяна. — *Здесь и далее примеч. пер.*

² Перевод с др.-греч. И. Ф. Анненского.

Незаметные

Думая о серийных убийцах, мы представляем мужчину — некоего ожесточенного, извращенного социопата, который работает в одиночку. Скорее всего, он носит жуткое прозвище, которым его с любовной точностью нарекли средства массовой информации: Потрошитель, Вампир-насилльник, Сын Сэма, Убийца из теней, Берлинский мясник. Прозвище — фирменный знак. Кошмарное имя для мужчины из кошмаров, жертвами которого чаще всего становятся невинные женщины.

Это правда: больше всего крови на страницах истории пролито мужчинами. И серийные убийцы, в частности, — в подавляющем большинстве именно мужчины. За последнее столетие лишь 10% от числа всех серийных убийц составили женщины. По крайней мере, так принято считать. (Эти данные нельзя назвать точными. В 2007 году вышла книга с результатами очень кропотливого исследования. В ней были названы 140 известных женщин — серийных убийц. В одном блоге, посвященном движению за права мужчин, перечислена почти тысяча таких. Нам точно известно, что с 1970-х годов их число в США, каким бы оно ни было, выросло.) Общество склонно впадать в «коллективное беспамятство» в отношении жестокости со сто-

роны женщин. Настолько, что, когда в 1992 году Эйлин Уорнос обвинили в совершении семи жестоких убийств, пресса нарекла ее «первой женщиной — серийной убийцей в Америке», и это прозвище закрепилось за ней в последующие десятилетия.

Эйлин и близко не первая женщина в Америке, совершавшая серийные убийства. Но женщины-убийцы — талантливые притворщицы.

Женщины-убийцы живут среди нас
и предстают миру в роли жен, матерей
и бабушек.

И даже после задержания и вынесения приговора в конце концов теряются в тумане истории. С мужчинами такого не происходит. Историки все еще пытаются понять, кем же был Джек-Потрошитель, при этом их совершенно не интересует история его зловещей соотечественницы Мэри Энн Коттон, на счету которой в три или даже четыре раза больше жертв, большинство из которых дети.

Нельзя сказать, что общество вовсе не признает существования зла в женщинах, ведь представительниц женского пола изображают как коварных и вероломных вестниц Апокалипсиса с тех самых времен, как Ева вкусила плод с дерева познания. Но, судя по всему, нам больше нравится, когда злые женщины остаются лишь на страницах художественных книг. Они заманивают мужчин на скалы (сирены из греческой мифологии),

подставляют других под обвинение в убийстве (роман «Исчезнувшая» за авторством Гиллиан Флинн) и даже высасывают из них жизнь (баллада «Безжалостная красавица» поэта Джона Китса). Однако стоит им сойти со страниц книг в реальную жизнь и начать убивать настоящих людей, воображение нас подводит. Мы даже представить не можем, что они это сделали, ну, прям вот *нарочно*. Считается, что женщины способны разве что на спонтанное убийство, совершенное в результате самообороны, вспышки гнева, гормонального сбоя или истерического припадка, но никак не на убийство намеренное. Последнее ведь нужно тщательно спланировать, все рассчитать и суметь в нужный момент сохранить хладнокровие.

Отсюда и одиозные слова Роя Хейзелвуда из ФБР, произнесенные им в 1998 году: «Серийных убийц — женщин не существует».

Как реагирует общественность, столкнувшись с женщиной-убийцей? Когда концепция «слабого пола» рухнет и мы ощущаем на себе зловещий взгляд женщины с засохшей под ногтями кровью? Для начала, вероятнее всего, мы оценим ее сексуальную привлекательность. (В одном исследовании 2015 года изыскатели настолько заморочились, что даже попытались определить, привлекательность кого из 64 женщин — серийных убийц, включенных в выборку, можно оценить на уровне «выше среднего».) Благодаря подобному подходу их преступления куда

проще переварить (ложку сахара добавь, лишь сахара добавь!). Сегодня убийцу Эржебет Батори помнят как сексуальную вампиршу, купавшуюся в крови девственниц. Эта история далека от истины и превращает фигуру Эржебет в более мифическую, нежели реальную, что, в свою очередь, служит оправданием, чтобы не задавать неудобных вопросов. Например, если агрессорами принято считать мужчин, почему такие, как Эржебет, вообще существуют? Как правило, люди при любом удобном случае связывают историю женщин-убийц с похотью, даже если их преступления не имеют к плотским страстям никакого отношения. Это хорошо заметно в провокационном эссе от 1890 года под названием «Правда о женщинах-преступницах», где автор старательно приукрашивает текст заявлениями вроде: «Неважно, уроженка она здешних мест или чужестранка, молодая или старая, красивая или безобразная, женщина всегда пользуется преимуществами своего ПОЛА».

А если интересующая нас женщина не особенно сексуальна? Сжечь ее на костре! И заодно дать глупую кличку, например Бабуля-хохотуля, Адская Белль или Мышьячка Энни.

В 2015 году пожилая женщина из России попала в объектив камеры видеонаблюдения, когда выносила му-

---

¹ Отсылка к популярной песне из музыкального фильма «Мэри Поппинс» 1964 года (экранизация одноименной серии книг Памелы Трэверс). Суть ее сводится к тому, что, если добавить к лекарству ложку сахара, выпить горькую микстуру будет гораздо проще.

сорное ведро, в котором, как утверждается, находилась голова ее лучшей подруги.

СМИ мгновенно окрестили ее Старушкой-потрошительницей и Бабой-ягой. Клички не призваны внушить ужас, не давая спать по ночам. В них — вся соль потрясающей шутки, каковой всем представляется женская агрессия. (Вон идет Мышьячка Энни! Если б не судебные ордера, она бы вечно ходила полураздетой!)

Помимо прозвищ полезным инструментом категоризации могут быть архетипы, но за ними часто теряются тонкости зла и тьмы, живущих в представительницах женского пола.

Чудесен образ женщины-кормилицы, который вызывает в памяти фигуру самой Матери — сырой земли. Однако она еще и безжалостная разрушительница, чей гнев сметает как виноватых, так и ни в чем не повинных. Вот только эта сторона образа редко упоминается, когда речь идет о реальных женщинах. Или возьмем, к примеру, архетип мужеподобной и жестокой женщины. Он точно приводит в недоумение. Из-за «мифа о женской пассивности» неспособную справиться с гневом женщину часто воспринимают не просто как мужеобразную, а почти буквально как мужчину. Будто это единственный способ ее понять. Когда в XVII веке Париж наводнили женщины-отравительницы, один журналист рассуждал так: «Их нельзя ставить в один ряд с другими женщинами, скорее можно сравнить с самыми гнусными мужчинами».

Видите ли, я понимаю, куда проще переварить серийные убийства, когда они умаляются прозвищами, подслащиваются сексуальной подоплекой или структурируются по архетипу. У общества есть бесконечное число козырей, позволяющих смягчить жестокость женщины. Женщин-убийц дегуманизируют, сравнивая с монстрами, вампирами или ведьмами. Их эротизируют до такой степени, в которой они не представляют угрозы. Вот примеры: книга под названием «Плохие девчонки делают это! Энциклопедия женщин-убийц»¹ или заголовок статьи «Горячие маньячки, к которым вы наверняка заглянули бы на чай»². А еще можно прокричать избитую цитату Киплинга: «Супруга злее всякого супруга!»³ и уйти, пребывая в удовлетворении от собственных способностей к анализу. Я правда понимаю. Убийства пугают. Кто захочет марать о них руки? Кто захочет разобраться? И все-таки я верю: признание женской агрессии, сколь бы отвратительной и извращенной она ни была, может пойти нам на пользу. В противном случае мы живем в отрицании. Ну и попутно замечу: именно из-за него милovidные бабули десятилетиями совершали убийства, не навлекая на себя никаких подозрений.

¹ *Bad Girls Do It!: An Encyclopedia of Female Murderers.*

² *Hot Female Murderers That You'd Probably Go Home With.*

³ Цитата из стихотворения Редьярда Киплинга «Баллада о женском первоначале» в переводе Евгения Фельдмана. Здесь следует отметить, что в оригинале строка звучит так: «The female of the species is deadlier than the male!» — и точнее будет перевод: «Самка смертоноснее самца».

Если бы мне пришлось описать героинь данной книги одним словом (кроме «ужас»), я бы использовала слово «напористость». Я неоднократно ловила себя на невольном восхищении. Меня поражало, сколько работы они выполняли, скольких мужей облапошили, сколько раз перехитрили представителей власти. Я не разделяю их непоколебимого и безумного убеждения, что убийство — самый надежный способ избавиться от проблем и продвинуться по социальной лестнице. Но хочу отдать должное их болезненному стремлению улучшить положение. (Это не совсем применимо к сверхбогатым убийцам вроде Эржебет Батори. Женщины вроде нее просто-напросто погрязали во тьме, задыхаясь от собственного могущества.) Ницше упоминал об этом стремлении еще в 1887 году: «Человек предпочтет скорее хотеть Ничто, чем ничего не хотеть»¹.

Можно задаться вопросом: «Почему женщины убивают?» Мне кажется, отсюда вытекает и другой, более общий: «Почему люди убивают?» Однако эта тема уже для другой книги, куда более длинной и серьезной. На убийство могут толкать самые разные причины: гнев, жадность, патологический нарциссизм, мелочная раздражительность. Убийства представляются столь страшной и непостижимой загадкой, поскольку жутко неестественны (забрать человеческую жизнь — все равно что играть в Бога) и в то же время предсказуемы. С незапамятных времен мы спим, едим, зани-

---

¹ Фридрих Ницше, Генеалогия морали.

маемся сексом и убиваем друг друга (иногда именно в таком порядке, вспомните про самок богомолв!). «Человечность 101»¹.

В этой книге вам не раз придется столкнуться с ханжеством и притворным ужасом, свидетельства которых сохранились в анналах истории.

Ого, нас удивляет, что люди «все еще» друг друга убивают? Нас шокирует, что женщины тоже несут в себе тьму и участвуют в этих кошмарах?

В предисловии к роману «Война и мир»² Лев Толстой упоминает Дарью Николаевну Салтыкову по прозвищу Салтычиха, русскую помещицу и серийную убийцу из XVIII века. О ней еще поговорим. «Изучая письма, дневники, предания [того времени], я не находил всех

¹ Отсылка к стихотворению американской писательницы и поэтессы Дениз Дюамель «Человечность 101» (*Humanity 101*). Лирическая героиня проходит обучающий курс «Человечность 101». Этот курс нужен, не чтобы добиться успехов в образовании. Люди его проходят, чтобы преуспеть в человечности. Героиня с трудом постигает основы человечности, осознавая, что забота друг о друге не является приоритетной задачей человеческого общества.

² Заканчивая издание романа «Война и мир», Толстой обещал П. И. Бартеневу для «Русского архива» статью «о тшете исторических разысканий». За работу над ней писатель принялся в начале декабря 1867 года и спрашивал Бартенева: «Немного задержало меня в работе предисловие, которое я на днях пришло. Не назвать ли его послесловием?» В январе 1868 года статья была напечатана под заглавием «Несколько слов по поводу книги "Война и мир"».